
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.И. Гасилина,

*аспирант Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ВЛАСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ФОРМИРОВАНИЕ СИМВОЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Развитие информационных технологий, вылившееся в создание принципиально нового типа общественного устройства, которое большинство западных, а вслед за ними и отечественных теоретиков стали называть информационным обществом, оказало влияние на все стороны социальной жизни, в том числе и на политику. Преобразование качества информации, движущейся по новейшим телекоммуникационным системам, привело к утере ею таких качеств, как системность и организованность, отчетливо проявлявшихся на письменном этапе существования культуры [1, с. 22]. Слово уступило свое место образу, а еще точнее – символу, который в эпоху тотального распространения экрана (телевизионного или компьютерного) сумел стать ведущим средством формирования ценностных и идеологических структур.

Символ имеет неограниченное количество потенциальных интерпретаций при отсутствии точного значения и предполагает учет смыслов и ценностей, которые отражают возможности личности и социума. Следует отметить, что подлинная ценность не имеет цены и не может быть представлена в виде знака, а символ делает символом его ценностная природа. Американский ученый А.Л. Уайт пишет, что любой знак обладает устойчивым единственным значением [2, с. 106]. Символ же вбирает в себя все множество значений, смыслов вещи. Для того чтобы найти символичность символа, необходима точка отсчета, некая рефлексия сознания, то есть разделение его на непосредственно воспринимающее и аналитически осознающее. Но человек, оставаясь носителем культурной традиции, воспринимает символику непосредственно, поэтому для него символ предстает как нечто онтологически данное.

Символ имеет безграничное количество толкований, между тем символические отношения между людьми в обществе являются относительно устойчивыми, и это связано с тем, что человек ограничен все теми же символическими нормами, которые нашли свое выражение в символической власти. Следует отметить, что в общем смысле власть – это форма воздействия человека на то, что его окружает, она предполагает навязывание своей воли вопреки сопротивлению. Символической властью же можно называть коммуникативные техники, которые содержат в себе схемы восприятия и оценки. Высказывая свое мнение, соответственно, можно отстаивать свою точку зрения и тем самым навязывать свое видение мира.

Как полагают исследователи, существуют «первичные» и «вторичные» коммуникативные практики. «Первичные» реализуются в отношениях, например, семейных: «папа – мама», «сын – дочь», «брат – сестра». «Вторичные» реализуются аналогичным образом, это может быть страна, школа, то есть любые организации, которые содержат отношения «управляющий – подчиненный», «покупатель – продавец» и т.п. «Первичные» определяются постоянной, или долговременной, пространственной близостью и характерны для малых коллективов. Такие отношения демонстрируют ценностные установки [3, с. 48].

«Вторичные» отношения определяются отдаленностью пространства и краткосрочностью, характерны для больших коллективов. Различные цели, внешняя оценка, малое знание других членов группы и ощущение дискомфорта у взаимодействующих участников группы вызывается действиями контроля над их поведением. «Вторичные» отношения выражают власть, а не солидарность. Неправильным будет заключение о противопоставлении «солидарности» и «власти», так как целью групповых взаимодействий является, с одной стороны, осуществление внешней безопасности и внутреннего примирения в пределах определенных норм, с другой стороны, гарантия порядка в процессе борьбы, символической борьбы.

Коммуникации, содержащие схемы восприятия и оценивания, выражают отношения с символической властью. Определенное легитимное видение мира выражается с помощью слов, которые определяют множество воззрений на мир, инициируя тем самым символическую борьбу. Коммуникация также несет ответственность за продуцирование образов жизни человека, общества. Она содержит различные социальные представления, которые находятся в «облаках» того, что нужно говорить в тех или иных ситуациях, к чему следует прислушаться, как вести себя в определенном круге общества. Социально значимые знания хранятся в различных знаковых системах культуры, которые транслируют набор стандартных установок. Таким образом, коммуникация служит конституированию социальных связей в обществе [3, с. 49–50].

Но символическую борьбу необходимо отличать от политической борьбы. Различая эти два понятия, П. Бурдьё пишет, что «символическая борьба – как индивидуальная, за ежедневное существование, так и коллективная, организованная, в политической жизни – имеет специфическую логику, придающую ей реальную автономию по отношению к структурам, в которых она берет начало. Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономичес-

кий или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства» [4, с. 186].

Характерной особенностью современного мира является то, что государства сегодня вынуждены отстаивать не только свою территориальную целостность и политико-экономическую независимость, но и свои символические универсумы, подвергающиеся в условиях «информационной эпохи» постоянной экспансии со стороны различных форм культурной унификации, «символическому насилию», приобретающему статус фактора международных отношений. Любая социальная система возникает в результате коммуникации, и благодаря этому осуществляется знаково-символический процесс, который подразумевает деление по классам. Но сама коммуникация осуществляется тогда, когда в ней осознается процесс взаимодействия.

Взаимные символические ряды в межгосударственных отношениях формируются исторически и онтологически. Созданные представления в процессе коммуникации передаются из поколения в поколение через социальную память и оказывают свое влияние на взаимодействие государств в новых исторических условиях.

О символической природе власти и неизбежных символических столкновениях в коммуникации говорит и М. Кастельс, доказывая, что «...в информационном обществе власть становится вписанной на фундаментальном уровне в культурные коды, посредством которых люди и институты представляют жизнь и принимают решения, включая политические решения. В этом смысле власть, когда она реальна, становится нематериальной... Культурные сражения суть битвы за власть в информационную эпоху. Власть – как возможность предписывать поведение – содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами, которые соотносят акторов, институты и культурные движения посредством пиктограмм, представителей, интеллектуальных усилителей» [5, с. 502–503]. Таким образом, власть есть выражение символизации в процессе коммуникации.

Современные средства массовой информации выступают как мощный инструмент воздействия на иррациональную сферу, активизирующие в сознании населения удобные манипуляторам представления. Усиление иррациональности в поступках и действиях людей в последние годы во многом объясняется тем, что понять и объяснить рационально линию общественного поведения чрезвычайно трудно в условиях, когда познание истинных причин и закономерностей явлений невозможно в силу их сложности и высокой скорости протекания социальных изменений. За последнее время государственные, национальные, экономические идеи, а также государственная символика менялись настолько часто, что это вызывало отрицательный эффект. То есть новые идеи приходили и с такой же непосредственностью исчезали. Но накопленный опыт не исчез бесследно, он сохранился в коллективном сознании социума. В настоящее время все эти исторические пласты активизированы и мы являемся свидетелями их адаптации, «примиривания» мифологии прошлого к современным условиям.

В контексте изменения структуры элит в политическом пространстве современного общества увеличившаяся многократно роль средств массовой информации в процессе легитимации властвующей элиты и ее информационного обеспечения привела к возникновению такой социальной группы как «символьная элита». В понятийном аппарате социально-гуманитарных наук это относительно недавно появившееся словосочетание выступило удачной заменой более размытого и идеологически нагруженного термина «интеллектуальная элита» [6, с. 134–135]. С точки зрения Л.В. Сагитовой, символьная элита представляет собой творческую и научную интеллигенцию, создающую и тиражирующую этнические ценности и символы [7, с. 77]. Недостатком этого определения является то, что из понятия символьной элиты исключаются непосредственные исполнители «идеологического заказа» – учителя, журналисты, спичрайтеры, то есть та социальная прослойка, которая выступает посредником в распространении этнических (политических) ценностей от их разработчиков и идеологов к широкому слою населения, эти ценности потребляющим и усваивающим. Более сбалансированным и методологически точным представляется другое определение символьной элиты, предлагаемое Н.С. Мухаметшиной: «Символьная элита может быть определена как политически активная социальная группа, занимающаяся идеологическим обеспечением деятельности политической элиты или контрэлиты. Идеологическое обеспечение предусматривает создание ценностей и символов, а также поддержание и распространение их в массовом сознании. Если ценности и символы носят этнический характер, то и направлены они на обеспечение соответствующей политики» [8, с. 51]. Данный подход к определению символьной элиты отражает ее функции и представляется более объективным. Функциональный подход позволяет расширить исследовательское поле и выявляет потенциальных представителей символьной элиты не только среди научной и творческой интеллигенции, но и в общественных и политических организациях, в структуре средств массовой информации.

Транспирируемые символьной элитой ценности и символы имеют по своей природе мифологический характер, если понимать под мифом способ объяснения социальной действительности, апеллирующий не только к разуму, но и к эмоциям потребителя данного мифа. Политические символы в современном обществе помимо своей основной функции – удовлетворения тех или иных потребностей своих носителей – являются маркерами, отличительными знаками, позволяющими подчеркнуть свою принадлежность к той или иной этнической группе. Повсеместно в ходе этнического ренессанса последнего времени можно наблюдать стремление возродить и воссоздать этнические символы: гербы, флаги, памятки национальным героям, произведения национальных классиков, вплоть до игры на народных инструментах [8, с. 53]. Возрождение определенного типа символики подразумевает также использование новых мифов для объяснения этой символики и ее успешного внедрения в политическое пространство.

Рассматривая постсоветское пространство как пространство символической борьбы, проявляющей себя в выявлении и позиционировании определенных интерпретаций политической и социальной символики, следует сосредоточить внимание на взаимодействии в изменившихся условиях символического и инсти-

туционального аспектов политического устройства. Транзитивное состояние общества проявляется как в смене социальных институтов, регулирующих взаимоотношения в различных сферах общественной жизни, так и в изменении символических моделей осмысления мира. Кризис политической власти влечет за собой разрушение легитимирующих ее функционирование символов. Они начинают проигрывать в символической борьбе альтернативным моделям, которые вырабатываются в рамках этнических или религиозных общностей [9, с. 82].

Секуляризованная символика советской эпохи уступает место возрождению этнонациональных символов, отсылающих к тем периодам регионального исторического развития, которые игнорировались в советской политической риторике. Например, татары, в годы советской власти, позиционировавшие свое этническое происхождение от волжских булгар, разгромленных монголо-татарами, в 1990-е годы резко поменяли свою политическую «генеалогию», выстраивая свою идентичность от самих монголо-татар. Подобное изменение исторической и политической идентичности изменило и национальную символику, пронизывающую повседневную жизнь современного татарского общества – в качестве символа национального единства стала выступать фигура Чингисхана, что заставило переосмыслить историю взаимоотношений татарского этноса с Русским государством.

Современное постсоветское пространство насчитывает множество подобных примеров. Трансформация устоявшихся ценностей привела к дестабилизации системы. Общество оказалось не готовым к столь радикальным переменам, и причиной тому явилось отсутствие нового идеологического обеспечения, которое могло бы определить направление дальнейшего развития социума. В свете изложенных проблем возрастает роль символической элиты в формировании новой общероссийской идеологии и реализации коллективной идентичности через ценности и нормы.

Библиографический список

1. *Демидов, А. И.* Постиндустриальное общество – феодальное? (к оценке опыта информационной революции в России) [Текст] / А. И. Демидов // Информационная цивилизация: пространство, культура, человек. – Саратов, 2000. – С. 18–25.
2. *Кармадонов, О. А.* Социология символа [Текст] / О. А. Кармадонов. – М., 2004.
3. *Азаренко, С. А.* Коммуникативные и телесные техники в символическом пространстве власти [Текст] / С. А. Азаренко, Е. Ю. Базаров // Социемы. – 2003. – № 9.
4. *Бурдые, П.* Социальное пространство и символическая власть [Текст] / П. Бурдые // Начала. – М., 1994. – С. 181–207.
5. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М., 2000.
6. *Фуко, М.* Интеллектуалы и власть [Текст] / М. Фуко. – М., 2002.
7. *Сагитова, Л. В.* Этничность в современном Татарстане: Воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х годов [Текст] / Л. В. Сагитова. – Казань, 1998.
8. *Мухаметшина, Н. С.* Трансформации национализма и «символическая элита»: российский опыт [Текст] / Н. С. Мухаметшина. – Самара, 2003.
9. *Ткачев, Д. Ш.* Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве [Текст] / Д. Ш. Ткачев // Полис. – 2006. – № 1.